

*Николай
Верёвошкин*

**ПОЮЩИЕ В ПЕРЕХОДАХ,
или ЧЕТВЕРТОЕ СОСТОЯНИЕ ВОДЫ**

*(краткое изложение событий, случившихся с членами семьи
Староверовых в один день – 11 ноября 2000 года)*

– Зачем зонтик берешь? Погляди в окно.

Из кухни в сумрачную прихожую проникал брус прозрачного золота, в котором безмятежно кружились стаи белых пылинок.

– Я старый альпинист и не верю в хорошую погоду.

Но зонтик поставил в угол.

Не мужик, а сто килограммов пластилина.

Все в нем раздражало жену. Особенно его послушность.

– Во что ты вообще веришь?

– Я верю, что рано или поздно придется умереть. Во всем остальном сильно сомневаюсь.

– Когда вернешься?

– Как дела пойдут, – отвечал он, забрасывая за плечо, как автомат, обшарпанный футляр со скрипкой.

– Я после работы к Терентию загляну. Если задержусь, свари себе на ужин пельмени. В морозильнике лежат, – сказала Ольга, не выходя из кухни.

– Передавай привет. Скажи – как-нибудь забегу.

Андрей подошел к двери, взялся за ручку и застыл.

Не хотелось выходить в утренний холод хмурой, не выспавшейся улицы.

– Ты Олега помнишь? – спросил он.

– Какого Олега? Того, что на контрабасе играл, или того, который старушку на переходе сбил?

– Митковского. Челнока. У него в третьем микрорайоне комок был.

– И что?

– Вот так же подошел к двери, взялся за ручку, упал и умер.

– Ты это к чему?

– Так. Вспомнил.

– Опять шарф забыл? Надень шарф.

– Ты видишь через стены?

– Я тебя знаю.

Она смотрела из окна в его унылую спину. Конец шарфа, заброшенного за спину, укрывал футляр. Не успел выйти из дома, а на лысинке уже лежал желто-красный лист клена. Пояс от пальто, как обычно, волочился следом.

Таким она увидела его двадцать лет назад. Он брел, уткнувшись взглядом в тротуар, что-то шептал, отбивая такт левой рукой. Пояс от осеннего пальто хвостом волочился по земле. В правой руке авоська. В ней лежал кирпич серого хлеба, пачка маргарина, несколько картофелин вперемежку с яблоками, электролампочки, а сверху, просунув лапы в ячейки авоськи, лежал котенок, подобранный на помойке. Он пищал. Глаза его слезились.

Этот котенок их и познакомил. Как раз в день рождения Андрея. И этот ноябрьский день был таким же прохладным и солнечным.

– Ты отодрала уже папку за уши?

В кухню, зевая, вкатила в инвалидной коляске дочь.

Боже! Сегодня же день рождения Андрея!

– Что? Ушел уже? – дочь прокрутила колеса назад, заглянула в прихожую и рассердилась. – Ушел и зонтик забыл. Нельзя же быть таким рассеянным.

Ольга хотела посоветовать ей взглянуть в окно, но в эту же секунду солнце словно выключили. И она спросила:

– Опять всю ночь за компьютером сидела?

– Сроки подгоняют.

(...)

Ночью осенний ветер выдул из города краски, оставив лишь серую пустоту скуки.

Как это унижительно – жить ради куска хлеба, думал Андрей, сдавленный чужими телами на задней площадке трамвая.

Все эти не выпавшиеся, мрачные люди, как и он, ехали добывать свой черствый кусок хлеба. И, судя по лицам, добывать этот кусок им приходилось нелюбимой работой. Большинство из них не догадывались о своем унижении, потому что работа и деньги за нее были отделены временем. И потому подачка воспринималась как вознаграждение. Зарплата.

Между его работой и деньгами не было лицемерного промежутка. Между зарплатой и подаванием не было разницы.

Каждый раз, втискиваясь в автобус, Андрей клял себя за лень.

Можно было, нужно было пройтись до перехода, не подвергая опасности инструмент. Нет, снова залез в переполненный людьми и вирусами трамвай. Зачем? Боялся опоздать? Куда? Никак не вытравит эту многолетнюю привычку – бежать, сломя голову, на работу.

Сзади хрипло кашляли. Спиной он чувствовал, как мучительно сотрясалась чья-то плоть, извергая вирусы. Андрей спрятал нос в шарф и сошел на две остановки раньше.

С утра у газетного киоска «Союзпечати» толпились хмурые прессоголики. Им необходимо было похмелиться свежей порцией новостей. С восторгом и ужасом наблюдали пожиратели газет, как разваливают страну. Андрей не страдал зависимостью от газет. Скорее наоборот – относился к этой страсти как к вредной привычке. Даже извращению. Когда люди начинают верить газетчикам и политикам, ничего хорошего их не ждет.

На ступеньках перехода, застланных сплюсненными картонными коробками, сидела цыганка с ребенком на руках.

Прислонившись к грязной, отделанной кафелем стене, под молниеподобной надписью «Цой жил, Цой жив, Цой будет жить!» стоял человек в черных очках и ковбойской шляпе с прожженными зажигалкой сквозными отверстиями, имитирующими пулевые. На груди его висела табличка: «Помогу забыть русский язык. Стопроцентный результат. За дополнительную плату меняю ментальность».

Перформанс? Провокация? Сумасшедший? Бог с ним. Главное – не конкурент с гитарой.

(...)

На работу ей было к десяти.

Ольга работала в платном туалете.

Туалет стоял в парке Героев Великой Войны.

Она работала уже второй год и перестала стесняться своих обязанностей. Напротив, мужчины, увидев красивую и веселую женщину в таком месте, вздрагивали, делали большие глаза и смущались, когда она в обмен на монетку протягивала им порцию туалетной бумаги.

Работа как работа. Есть и похуже. Допустим, рекламный агент.

Но ни мужу, ни дочери о своей новой должности она не рассказывала.

Они и не спрашивали.

Первые месяцы она сидела за столиком в тесном тамбуре между мужским и женским отделениями. Пряталась за большой букет искусственных цветов. Закрывала лицо по самые глаза марлевой повязкой. Опасаясь не вирусов, а знакомых.

Но знакомые не появлялись.

Многие разъехались по чужбинам, называемым историческими родинами. Оставшимся отдыхать было некогда. Они челночили или искали работу. Многих она встречала за прилавками на базарах, барахолке, комках.

Букет с пластмассовыми цветами был сдвинут на край стола, а марлевая повязка сползла на шею.

Конечно, было бы неприятно встретиться здесь с Андреем. Это бы травмировало его. Может быть, даже убило. Он и без того страдает от мысли, что не может обеспечить своим женщинам достойного существования. Ей стоит большого труда поддерживать в нем надежду. Все когда-нибудь изменится, и городу обязательно понадобится симфонический оркестр, классическая музыка.

Это была бы катастрофа: встретиться здесь с Андреем.

Он думает, что она работает в цветочном киоске.

Тоже не фонтан, но все-таки – цветы.

Однако рано или поздно знакомый должен был появиться.

И он, неожиданный, как землетрясение, появился.

Шурик располнел. Был он без плаща. Должно быть, приспичило, вот он и выскочил из своего джипа облегчиться по пути на важную встречу. Красный пиджак, униформа предприимчивых людей, придавал ему солидность. Несколько комичную. Солидный мужчина, спешащий по нужде, всегда отчего-то смешон. Почему крутые без ума от этих пиджаков цвета задницы половозрелого гамадрила?

Вообще-то по паспорту Шурик был Эдуардом. Но все звали его Шуриком. Очень был похож на Шурика из «Операции «Ы!»».

Он увидел ее – и в доли секунды зрачки расплылись во все радужки. Шурик вздрогнул, вытянулся, словно сзади его ткнули шилом, и слегка отшатнулся. Но быстро взял себя в руки: нахмурился, губы гузкой. Сделал вид, что не узнал.

Мужчины редко умеют притворяться.

Взял свою долю туалетной бумаги, пробормотал, потупив глаза, «балдарю» и густо покраснел.

Ну, не узнал и не узнал. И она его не узнала.

Женщины в отличие от мужчин умеют скрывать свои чувства.

Вошедший павианом Шурик давно прошмыгнул вон серой мышкой, сняв для маскировки свой малиновый пиджак. Вывернутый подкладкой наружу, он висел у него на руке.

А волна ностальгии захлестнула ее и перенесла на несколько лет назад в доперестроечный устоявшийся быт.

Большой, гулкий и прохладный зал с окнами от пола до потолка, выходящими на цепь гор. Пирамида пика Лавинного, похожая на облизанную вершинку стаканчика сливочного мороженого.

Зал плотно заставлен кульманами и людьми в белых халатах.

Ее кульман стоял в первом от окна ряду, а кульман Шурика... Где же он стоял? Наискосок через ряд. Между ними – кульман Светланы, которая принимала на свой счет полные печали взгляды Шурика.

Сосредоточенная тишина, наполненная шелестом листьев ясеня, шуршанием карандашей и рейсфедеров по ватману.

Да, запах ватмана и туши.

Шурик подарил ей коробку ленинградской туши «Аист» шести цветов и тушь-краску «Чижик». Семицветную.

От таких подарков не отказываются.

Как звали эту раздвижную шарнирную раму в виде параллелограмма? Она так приятно скользила по наколотой на деревянную доску бумаге. Пантограф! Какое красивое слово. Когда-то этот мольберт для инженеров-конструкторов и проектировщиков был незаменим.

Она с умилением вспомнила все свои карандаши «Конструктор» с полной шкалой градации – от самого твердого до самого мягкого, транспортиры, циркули, рапидографы и изографы, ластики для карандашей и туши, рейсфедер-кривоножку, кальки, миллиметровую бумагу.

Надпись на деревянной доске рубленным шрифтом без индивидуальных особенностей: «Разреши мне просто смотреть на тебя?».

Надпись можно было стереть. Но она не стирала.

Жизнь – вымирание. Вымирают народы. Животные становятся редкими, а потом вымирают. Вымирают профессии. И слова вымирают за ненадобностью. Навсегда исчезают отношения людей, связанные с вымершим ремеслом. Беззаботные отношения вечного студенчества.

Кому сейчас нужны кульманы и этот рейсфедер-кривоножка? В городе не осталось ни одного конструкторского бюро.

А вот туалеты всегда будут нужны людям.

Пятьсот и более посещений за смену.

Она снова натянула марлевую паранджу по самые глаза и спряталась за букет пластмассовых цветов.

(...)

Каждый, кто спускался в переход перед вокзалом, на стене которого было начертано: «Цой жил, Цой жив, Цой будет жить!», вздрагивал от изумления, услышав скрипку.

Услышать в сыром и гулком подземном переходе, наполненном шорохом шагов, скрипку – все равно что увидеть танцующую балерину на базарной площади.

Да, гитара. Да, человек-оркестр. Трубач, баянист, бабушка без слуха, поющая «Листья желтые над городом кружатся» – да.

Но скрипка...

Бездомная сука, кормящая голодный выводок в проточной трубе, заслышав скрипку, не удивилась, а обрадовалась.

Глупая собака, первый же ливень утопит твоих щенят.

Оставив скулящих детей, она, прижав уши и поджав хвост, спустилась по скользким ступеням в гулкий, плохо освещенный, но пахнущий пищей туннель. Преодолев страх толпы, она подошла к музыканту и принялась энергично хлестать себя хвостом по бокам. Скрипач, продолжая играть, поклонился ей. Поощренная собака села рядом с раскрытым футляром, в котором тускло мерцали серебряные и медные монеты и несколько пожухлых бумажек. Она подняла морду к отсыревшему своду и стала тихо и очень печально подвывать.

У скрипача и поющей собаки образовался небольшой затор.

Прохожие делили восхищение между музыкантом и его собакой. Творческий симбиоз умилял слушателей. Одни поощряли скрипача мелочью, другие награждали собачку кусочком колбасы или недоеденным пирожком.

Стареющий седой пижон в берете, твидовом пальто, белый шарф скручен в модную петлю, стоял в стороне, теребя бородку и улыбаясь со снисходительным участием Мефистофеля.

Когда зеваки схлынули, он подошел ближе. Так близко, что поющая собачка попяtilась и оскалила зубы.

Человека не интересовали ни мастерство скрипача, ни творческий симбиоз. Его интересовала скрипка. Дождавшись перерыва, он вежливо и беззвучно заплодировал, сказал:

– Здесь на углу есть приличное кафе с красивым названием «Гуано». Я приглашаю.

– Гуано? – переспросил Андрей.

– Гуано, гуано, – охотно подтвердил старый пижон, – но кормят отлично.

– Гуано?

– О, нет. Хозяину понравилось красивое слово – только и всего. И он не одинок в своем похвальном стремлении к красоте. Я знаю магазин канцелярских товаров, названный в честь ангела апокалипсиса «Абадонна». Ну да бог с ними. Вот только, боюсь, с собачкой нас не пустят.

– Она не обидится, – сказал музыкант, вынимая из кармана бутерброд с докторской колбасой и протягивая его собаке. – Антракт, Рыжая.

Собачка интеллигентно взяла в пасть бутерброд и, дико косясь на человека в берете, сожрала его в три секунды. От вожделения и страха у нее мелко дрожали задние ножки. Поджав хвост и прижав уши, она потрусилась вон из подземелья.

Движением, исполненным достоинства, скрипач присел над раскрытым футляром, собрал и сложил в карман пальто гонорар – несколько мятых бумажек,

похожих на осенние листья, и мелочь – тусклые капли росы. Уложил скрипку и, закрыв крышку, щелкнул замками.

– Что будете? – спросил седой меценат.

– Бизнес-ланч, – ответил Андрей, не желая обременять его.

– А я, пожалуй, закажу форельку. И вам советую.

– Нет, нет. Бизнес-ланч.

– Что будем пить?

– Чай. Зеленый. Без сахара.

Седой погладил футляр, лежащий на стуле:

– Вы позволите?

– Извините. У меня правило: никому не позволять брать инструмент в руки.

– Понимаю. Трубку, лошадь и жену не доверю никому. Очень чистый звук для уличного музыканта. Что же вы в переходе? Сыро в переходе.

– Сыро, – согласился Андрей, – но ни дождя, ни снега.

Официантка принесла первое для Андрея и колбочку с коньяком для седого.

– Подумать только, из каких простых вещей сделана скрипка: ель, клен, седой конский волос. А сколько тайны, какая магия. Не зря ее обожествляли. У вас великолепная аппликатура, – сдержанно похвалил музыканта человек, похожий на Мефистофеля, и, откашлявшись в кулак, спросил деловым тоном. – Если бы случилось продать ее, сколько бы запросили?

Андрей посмотрел на него с осуждением и ничего не ответил.

– Понимаю. А все-таки? Что бы вы сказали о пяти тысячах долларов США?

– Боюсь, вы не понимаете, о чем идет речь, – отвечал Андрей, отчуждаясь.

– Представляю. Очень хорошо представляю. Я представляю, что такому инструменту не место в сыром подземном переходе, – седой пригубил коньяк и продолжал. – Я очень хорошо представляю, как мало в городе осталось ценителей классической музыки. И я догадываюсь, что могло заставить профессионала спуститься с ТАКОЙ скрипкой в подземный переход у железнодорожного вокзала. Все я хорошо представляю. Десять тысяч зеленых. Купите машину, извозом займетесь. Извозом можно заработать значительно больше, чем скрипкой.

– Машина мне противопоказана. Разобью о первый же столб. К тому же мне никогда не сдать на права. У меня нарушено цветоощущение.

– Какая наивность. Никто не сдает на права. Права покупают. Впрочем, есть и такой вариант: купите скрипку попроще. Какая разница, на какой скрипке играть в подземном переходе?

– Нет. Скрипка не продается, – отвечал Андрей сухо.

Седой, поджав губы, закивал головой с выражением понимания и даже одобрения.

– Может быть, может быть, вы и правы. Последнее дело продавать инструмент. А времена меняются довольно неожиданно. На всякий случай, если надумаете. Мы, кстати, не познакомились. Игорь.

И он протянул визитку.

Андрей мельком взглянул на нее. Станный номер. Он начинался с «четверки».

Они познакомились, и Игорь продолжил искушать уличного музыканта:

– Я догадываюсь о цене вашей скрипки, но больше, чем я, вам никто не предложит. Кстати, разрешите вас предостеречь: у вас ее могут элементарно отобрать

И собачка не поможет. Вам повезло с нашими бандитами. Они далеки от искусства. Впрочем, поостерегитесь. На вашем месте я договорился бы с хозяином какого-нибудь кафе или ресторанчика. Вы не думали об этом?

– Извините, – прервал его Андрей, – зачем вам скрипка?

– Нет, нет, нет. Если вы подумали, что я решил с выгодой для себя перепродать ее, то нет. Внучка у меня растет. Скоро у нее день рождения.

– Сколько ей исполнится?

– Шесть. У нее замечательный педагог, – Игорь взглянул на часы и заторопился. – Ну, не теряйте визитку. Всякое может случиться. Понадобятся деньги – вот вы и вспомните меня. До свидания.

Он ушел.

Официантка принесла счет.

Итоговая цифра послала Андрея в нокдаун.

Таких денег ему не заработать и за неделю.

Интересно, кто этот Игорь – рассеянный чудака или мелкий мошенник?

Андрей представил, как выгребает из карманов мелочь.

Как пересчитывает дважды, опасаясь, что денег не хватит. А еще и на чай нужно оставить.

Монеты потертые, скользкие от человеческого пота и жира.

А официантка, сложив руки на груди, смотрит на него и постукивает носком туфельки. Лицо у нее надменно-бесстрастное. Обязательно скажет что-нибудь вроде того: а помельче нет? Или: вы что – у церкви побирались? А он ответит: деньги как деньги, чем они вам не нравятся? Она вздохнет, подняв глаза к потолку, сядет и пересчитает. Дважды. А затем смахнет гору мелочи на поднос.

И на это раздражающее дребезжание, морщась в досаде, оглянутся все посетители кафе со странным названием «Гуано».

– Послушайте, – сказал он официантке, – такое недоразумение. У меня с собой нет денег. Оставил кошелек дома. Возьмите в залог часы. Хорошие часы. Командирские. А я забегу на днях. Хорошо?

(...)

Туалет она закрыла на час раньше положенного. Натянула резиновые перчатки. Убрала кабинки. Протерла шваброй пол.

Она шла по аллее Героев, диагонально пересекавшей парк. На спинках скамеек с ногами на сиденьях нахохлившимися воронятами сидели подростки. Сладко пахло дымком конопли.

Один Шурик сидел на скамейке, как и положено на ней сидеть. Правда, подстелив под себя газету. Кстати, газета на английском языке. Руки в карманах, локти врозь. Нахохлился. Уши упираются в поднятый воротник.

– Оля? Какая встреча!

Шурик был плохим актером. Очень плохим. Даже актриса в бесконечном сериале сыграла бы случайную встречу не так фальшиво.

Сколько же он сидел на этой скамейке?

Да уж не меньше часа.

– А мне кажется, я тебя сегодня уже видела.

Шурик покраснел. Это большая редкость среди людей в красных пиджаках – краснеть.

Маленький, кругленький, благополучный, он шел рядом. От него пахло дорогим одеколоном.

– Как живешь, Оля? – спросил он и снова покраснел.

Не дав ей ответить, поспешно добавил:

– Сегодня с утра у меня было такое чувство, будто случится что-то хорошее.

Краснеть дальше было некуда, но он покраснел.

– Что такого хорошего может случиться в туалете?

Шурик совсем потерялся, а потерявшись, сказал, что думал:

– Скажи, если бы ТОГДА я предложил тебе выйти за меня замуж, ты бы вышла?

Она попыталась вспомнить, когда это ТОГДА, но не вспомнила.

– Нет, Шурик, не вышла бы.

– Было время, когда весь этот город был пропитан поэзией. И дом напротив, и старый дуб, и горы над шиферной крышей. А потом настает день, и ты видишь просто дом, просто дуб, просто горы, а поэзии нет. Почему?

– Стареем, наверное.

– Почему бы ты не вышла за меня замуж?

– Ты маленький.

Девичий румянец как бы впитался, и лицо его стало совершенно белым.

Зачем она его обидела? Неужели нельзя было сказать это же самое другими словами? Отшутиться, наконец. И она поспешно спросила:

– Ты женат?

– Конечно. Моя жена печет замечательные пирожки. Кстати, она с тебя ростом.

Мне повезло с ней.

– Ты всегда был везунчиком. Не зря тебе всегда советовали покупать лотерейные билеты.

– Да, мне везет, – согласился он, – ни у кого из моих знакомых жены не пекут таких вкусных пирожков. Муж у тебя, конечно, высокий?

– Метр девяносто два.

– И, конечно, он устроил твою жизнь, и ты с ним счастлива?

– Мой муж музыкант, – ответила она, – к несчастью, талантливый музыкант.

Но кому сейчас нужны музыканты? Сейчас хорошо живут только торгаши.

– Все торгуют, – печально и холодно сказал Шурик. – Прогуляйся по местному Арбату. Там очень много высоких и красивых художников и музыкантов. И все торгуют своими талантами. Только я ни разу не видел, чтобы кто-то покупал картины. Монеты музыкантам бросают, да. Особенно одному тощему саксофонисту. Чем дует, непонятно. Все калории из себя выдул. И бабушке. На домбре играет. А картин не покупают. Я там даже одного писателя видел. Книгами своими торгует. Стихами, кажется. За небольшую доплату ставит автограф. Но кому сейчас нужны стихи?

– А ты чем занимаешься?

– Торгую, конечно, – отвечал он с произвольной ухмылкой. – Что остается делать нам, маленьким и бездарным. Только я продаю то, что покупают.

Он снова густо покраснел и спросил:

– А если бы ТОГДА я был, допустим, миллионером. Если бы у меня, допустим, был личный самолет и остров в Малайзии, ты бы вышла за меня замуж?

– Извини, у мужа сегодня день рождения. А я еще и подарок не купила.

Он посмотрел ей прямо в глаза и спросил:

– А если бы этот маленький миллионер предложил тебе провести с ним уикенд на вилле в горах?

– Наверное, получил бы по морде, – весело ответила она.

– За что? За то, что маленький?

– Да нет. За то, что плохо о других думает.

– Все как раз наоборот. Моя беда в том, что я слишком хорошо думаю о других.

Ты и представить себе не можешь, скольким золушкам я раздал хрустальные туфельки. Причем размер ноги не имеет значения. У меня всегда в кейсе несколько хрустальных туфелек.

У него запел мобильник.

– Да, Семеныч, – сказал он и поморщился. – А сами вы эту проблему решить не можете?.. Только предоплата, только предоплата... Слушай, Семеныч, круглый предмет, венчающий твое туловище, называется головой. Этой головой люди иногда думают.

Сказавши это, он отключил мобильник.

– Тебя подвезти? – спросил он.

– Спасибо, мне недалеко.

– Приятно было встретиться. Вот, на всякий случай, – и он протянул визитку.

Она посмотрела ему вслед, подумала: красные пиджаки крутым нужны для того же, что и красные зады для гамадрилов. И поспешила на остановку троллейбуса. Нужно было заглянуть к Терентию. Возможно, он вспомнит о задолженности. Как бы кстати были сейчас эти деньги.

(...)

Красивый старик полулежал на диване и в свете настольной лампы читал «Велесову книгу».

Серебряная грива делала его похожим на Бальзака, но свисающий с края дивана живот безобразил. Живот делал его карикатурой на Бальзака.

Человек читал книгу и сердился.

Прочитав страницу, он тут же забывал ее.

Куда уж судить – подделка она или культурная ценность.

Старик сердился на свои мозги, покрытые ржавчиной склероза. Его утомлял тусклый свет лампы. Раздражал огромный живот и резинка в трусах. Выводили из себя очки, сползающие с носа.

Он сердился на свою старость – на шорох и звон в голове, на большое, беспомощное тело, на ноющие суставы.

Но вот запел дверной звонок, в коридоре послышались невнятные голоса, и в комнату вошла женщина, сладко пахнущая осенью.

Человек на диване преобразился.

– Ах, Оля, отчего я не скульптор! – воскликнул он и, помогая себе руками, сел. – Какое, должно быть, удовольствие лепить тебя из теплой глины.

Он попытался пошутить, но заплакал.

Да, это было бы одинаково приятно – ласкать эти зрелые формы молодой женщины или воссоздавать ее тело из влажной глины.

И одинаково невозможно.

Проклятая старость.

Молодые желания были обречены на бесполезный бунт в расплывшемся непослушном теле старика.

– Лежи уж, – одернула его жена, делая вид, что не заметила слез. – Почему ты не скульптор. Да потому, что ты бухгалтер.

– Ах, Роза моя, куда все уходит? – пожаловался красивый старик красивой старухе. – Как я завидую ее молодости!

– Зависть – грех, – одернула его жена, – и предаваться унынию – тоже грех.

– Молодости? – переспросила Ольга и, мельком взглянув на свое отражение в стеклах книжного шкафа, поправила прическу. – Мне уже пятый десяток, милый Терентий.

Она потрогала маску, когда-то давно вырезанную стариком из березового полена. Из седой бересты смотрело на нее светлое лицо волхва.

– Прекрасный возраст, – сказал старик и, показав большие пухлые кисти рук с искривленными пальцами, пожаловался. – Не слушаются. Мое время ушло, Оля. Я человек бывший в употреблении. Уцененный товар.

И губы его затряслись.

– А ну, прекрати! – приказала жена.

Старость делает мужчин женственнее, а женщин мужественнее.

Старый человек, похожий на Бальзака, сквозь слезы смотрел на гостью, и в его изношенной голове смутно рисовались воспоминания. Он не мог определить: было ли это на самом деле, привиделось ли во сне или порождено затухающим воображением – близость с этой молодой, соблазнительной женщиной.

Хотя какая теперь разница? Было, не было – все прошло.

Он улыбнулся, обнажив зубы, как страшную тайну. Все мы лишь скелеты, прикрытые мясом и обтянутые дряблой кожей – вот такая неприятная тайна.

Тайна эта была тем циничнее и ужаснее, что залитые слезами глаза старика были молоды.

Он сказал:

– Ты, Оля, как таежная речка. Чего только не сплавляют по ней. Пронесет – снова чистая, прозрачная. Хоть в ладошки зачерпни и пей. Ты, Оля, проточный человек.

– О чем это ты болтаешь, старый болтун, – засмушалась старуха, уловив в этом странном комплименте намек на занятие гостью.

– Все мы речки, Роза. Пересыхающие, – сказала Ольга. – Ну, ладушки. Я, пожалуй, начну с кухни. Я сегодня по-быстрому. У Андрея день рождения, а я еще подарок не купила.

И она пошла в туалет за шваброй и ведром.

Старики, ревнуя друг друга к болезням, уже давно не в состоянии были следить за чистотой в квартире.

– Ремонт нужен, – крикнула Ольга из кухни.

– Ремонтируй не ремонтируй, а конура она и есть конура, – махнула рукой хозяйка и, с трудом нагнувшись, подняла с пола «Велесову книгу».

– Роза моя, мы заплатили Оле за прошлый месяц?

– Не волнуйся, Терентий, заплатим.

Роза прошла на кухню и тихо, чтобы не слышал муж, прошептала:

– Оленька, душечка, я помню, мы задолжали тебе за полгода. Но потерпи еще немножко. Рассчитаемся, как только получим перевод от Станислава.

– Не волнуйся, Роза. Я все понимаю.

(...)

– Ничего себе цены! Чуть добавить – и машина, – удивилась Ольга.

– Космические технологии, – пояснил продавец, сдержав позыв к зевоте. – Это с сезонной скидкой. Новые модели значительно дороже.

Седой бобрик, выпуклый лоб и младенческий цвет лица делали его похожим на профессора. Он повел рукой, представляя ряды разноцветных и разновеликих лыж:

– Выбирайте. Но вообще-то лыжи каждый должен выбирать для себя сам.

– Хотела сюрприз сделать.

– Он что – начинающий, среднего класса, эксперт? Какой у него рост? Что предпочитает – подготовленные трассы, пухляк?

– Нет, он не начинающий. Рост – метр девяносто. А что такое пухляк?

Продавец вздохнул и сказал:

– Пухляк – это свежесвыпавший снег на неподготовленных склонах, целина.

Выбирайте.

– А что бы вы посоветовали?

– Хорошие лыжники имеют, как правило, три пары лыж. Но есть универсальные лыжи на все случаи жизни. На них можно спускаться и на подготовленных трассах и по целине. Хотя, скажу по секрету, не советую. Ничего универсального по большому счету нет.

И он подвел ее к стенду.

– А что бы вы выбрали для себя?

– Если честно, большой разницы нет. Все дело в соотношении цены и качества. Собственно, все они сделаны по одной технологии с применением одних и тех же материалов. Переплачивают за бренд. За ярлык. Марку. Клеймо. Я бы посоветовал словацкие. Те же лыжи, но значительно дешевле.

– И сколько они стоят?

– «Елань»? Пятьдесят тысяч.

– Пятьдесят тысяч?! С ума сойти. А дешевле?

– Это самые дешевые. Могу предложить бэушные.

– Нет, бэушные дарить нельзя.

– Знаете что? Подарите ему очки. Есть очень хорошие очки за десять тысяч.

Очки – хороший подарок.

– Десять тысяч? Очки? Я подумаю.

– Подумайте, подумайте, – одобрил продавец, – но я бы советовал выбирать вместе. Понимаете, дарить мужчине лыжи – все равно что дарить женщине сумочку или шляпку. Вы меня понимаете? Никогда не угадаешь. Да и очки нужно выбирать под шлем.

(...)

Рябая Луна с раздутой щекой освещала скудным светом скучные крыши микрорайона, голубой тополь и двух девчонок под тополем.

– Давно стоите? – спросила Ольга.

Высокая девчонка даже не оглянулась и так жадно затянулась дымом, что тоненькая дамская сигаретка испепелилась до самого фильтра. Другая, маленькая, в черных колготках, взглянула мельком и, отвернувшись, сказала:

– Шла бы ты, бабуся.

– Куда бы это? – удивилась Ольга.

– На пенсию.

Должно быть, давно голосуют, подумала Ольга, бояться, что такси перехвачу. И отошла в сторонку. Но не выдержала и сказала девчонке в черных колготках:

– Не я твоя мать. Я бы научила тебя уважать старших.

– Слышь, Галь, мать, – сказала коротышка своей мрачной подруге, – туда же.

Из потока иномарок вывернул «Жигуленок» и остановился возле девчонок.

Маленькая до половины погрузилась в окно с опущенным стеклом. Через десять секунд она вынырнула из него со словами:

– Да пошел ты!

И, видимо, на вопрос, куда, добавила:

– В малину после бани!

«Жигуленок» фыркнул и подкатил к Ольге.

– Сколько? – спросил водитель, похожий на боксера Валуева, оглядывая ее с головы до каблучков.

– Вам лучше знать, – ответила она, боясь упустить небогатую машину, и поспешно добавила. – Триста.

– Триста? Это много. Сто.

– Сто так сто, – удивилась щедрости и порядочности извозчика Ольга, устраиваясь на заднем сиденье.

Половину заняла сама, половину – пакеты.

– Жандосова угол Убейсеитова.

– Работаешь? – с сомнением посмотрев на нее в зеркало, спросил водитель.

– Работаю, – вздохнула Ольга. – Куда денешься. Семью надо кормить.

– И много зарабатываешь?

– Да о чем вы говорите. Гроши. Если бы муж не был безработным, сидела бы дома.

Водитель, еще раз внимательно посмотрев на нее, надолго замолчал. Потом спросил:

– И что же муж? Не против?

– А почему он должен быть против? – удивилась Ольга.

– Ну, многие были бы против. Я был бы против.

– Нет, мой не против.

– И давно работаете?

– Да сразу после института, всю жизнь. С перерывом на декретный отпуск.

– У вас высшее образование? – удивился водитель. – А вы не пробовали по специальности?

– Да кто сейчас по специальности работает. В нашем НИИ сейчас боулинг, ночной клуб, центр развлечений. Моя специальность сейчас никому не нужна. Вы, небось, тоже не по специальности работаете?

– Ну, не совсем по специальности.

– А у вас семья, дети есть?

Водитель нахмурился и, сердито посмотрев на нее в зеркало, ответил:

– Есть. Номинально.

– Как это?

– Сын в Москве учится. Жена с дочерью второй год в Германии гостит. Немка она у меня. Сын в Москве, жена в Германии, а я здесь. Сами понимаете, не из железа.

– Понимаю.

– Они на меня с двух фронтов давят. Переезжай в Германию. Европа! И что – Европа? Что такого не видел я в Европе? Европа – это для комнатных собачек. А я зверь дикий. Волк. Я, знаете ли, рыбак, охотник. У меня здесь друзей, как блох у собаки. К солнцу привык, к горам. Видел я их свободу. Как червя на крючок насадить и закон не нарушить. Месяц я там жил, в свободной Европе. Чуть от скуки не сдох. Никакой свободы. Одни условности. А что у вас на Жандосова – Убейсеитова? Съемная квартира?

– Почему съемная?

– А муж?

– Что муж? И муж, и дочь.

– Я не понял, – водитель тупо уставился на сто тенге.

– Как договаривались, – ответила Ольга, – сейчас направо.

– Тьфу ты! – сказал водитель в сердцах. – Уберите свою бумажку. Знаете, что я вам посоветую? Никогда не ловите такси на улице Саина.

До нее дошел смысл их странной беседы.

– Что смешного? – мрачно спросил водитель.

– Что смешного? Да я полгода как бабушка. То-то я думаю, что за странный таксист.

– Ничего смешного. Я тоже дважды дедушка. Что вы там делали на Саина?

– Лыжи мужу выбирала. Хотела подарок на день рождения сделать.

– Счастливые люди, – позавидовал водитель. – Выбрали?

– Цены сумасшедшие.

– А знаете, – сказал он, посмотрев на нее, как на подружку, – подарю-ка я вам свои лыжи. Все равно без дела пылятся. Нет, нет, – испугался он, – не в том смысле. Не хотите, чтобы дарил, купите. Цену сами назовите. Ну, как хотите, не настаиваю. Вот, возьмите визитку. Надумаете – позвоните.

«Почему подарки нужно обязательно делать в день рождения? – подумала Ольга. – Вот получу зарплату, Терентий погасит задолженность – подарю к началу лыжного сезона».

(...)

Надо было взять зонт.

Сыпала сырая, колючая изморозь.

Андрей, съездившись, стоял перед «зеброй».

В горах, наверное, идет снег. В последний раз он был там пять лет назад. Поднялся по Старушечьей тропе на жайляу и спустился на лыжах по Долгому ущелью.

Загорелся зеленый.

Перебросив футляр с левого плеча на правое, он шагнул на «зебру». Боковым зрением уловил движение. Слева вывернула машина. Он шел на зеленый, а она не тормозила. Все, что он успел, – подпрыгнуть. Машина подкосила его и прокатила

на капоте метров десять, пока не остановилась. Паркетный джип, прозванный «Любкой». Такие миниджипы дарят любовницам жирные коты.

Девчонка. Рыжая, как ирландский сеттер. За круглыми стеклами очков огромные, как у волчка из «Сказки сказок», зрачки. Рот приоткрыт. Смотрит и молчит.

– И давно дальтоникам выдают права? – спросил он, полулежа на капоте.

Смотрит и молчит.

У заторможенных всегда проблемы с тормозом.

– За сколько права купили? – вид этой не моргающей куклы начал сердить его.

– У вас все в порядке? Вы ничего не сломали? – сказала она с умоляющей надеждой и часто-часто заморгала.

У Андрея перехватило дыхание. Он сел на прогнувшийся под ним капот, снял с плеча футляр, раскрыл. Уф! Скрипка, кажется, цела, пальцы не сломаны.

Он спрыгнул с капота. Заднюю часть бедра правой ноги пронзила боль. Должно быть, от резкого движения потянул мышцу.

– Может быть, вас отвезти в больницу? – спросила робко рыжая. – Садитесь, я отвезу вас в больницу.

– Отвезите меня лучше домой. И постарайтесь, пожалуйста, никого не задавить.

Как уютно в машине, за рулем которой женщина. Особенно в осеннюю слякоть.

– Может быть, все-таки в больницу? – спросила она, когда Андрей назвал адрес.

Он отрицательно покачал головой.

– Я постою минутку? У меня все дрожит. Я же вас чуть не убила. Мне так неловко. Задумалась. Вы уж меня извините. У вас такое самообладание. Вы так спокойны.

Ну, разморозилась. Разговорилась.

– Это не самообладание. Просто я достиг возраста, когда не жалко потерять жизнь.

– Это черный юмор?

– Это горькая правда. Впрочем, что такое черный юмор, как не горькая правда.

– Может быть, все-таки в больницу?

– Нет, – ответил он мрачно, разминая пальцами ноющее бедро. – Сегодня мне нельзя в больницу. Сегодня у меня день рождения.

– Я вас поздравляю.

– Спасибо. Ваше поздравление я запомню на всю жизнь.

– Мне так неловко. Извините.

– А я вас где-то видел. Вы не катаетесь на горных лыжах?

– Нет, – ответила она виновато.

– Напрасно. Жить в нашем городе и не кататься на лыжах? Зачем тогда жить в нашем городе? Ничего хорошего, кроме гор, в нашем городе нет. Остановитесь, пожалуйста, напротив второго подъезда.

– Вам точно не надо в больницу? – спросила она, с состраданием наблюдая, как он выгружает руками травмированную ногу. – Возьмите визитку. Если что, я приеду и отвезу вас.

Он посмотрел, прищурившись, на визитку:

– И все-таки, Марина Васильевна, я советую вам встать на горные лыжи.

– С днем рождения, – ответила она, отъезжая.

И машина растворилась в осенней непогоде.

Андрей подумал: а все-таки приятнее, когда тебя сбивает на переходе не какой-нибудь вахлак, а хрупкая и довольно милая девушка. Впрочем, для мужчины моего возраста все женщины до тридцати пяти лет – девушки. И почти все довольно милые.

(...)

– Что случилось? – спросила дочь, открыв дверь и отъезжая от нее на инвалидном кресле.

Не дождавшись ответа, она, нагнувшись, взяла прислоненный к стене зонт. Открыла его, закрыла и объяснила. – Это приспособление называется зонт. Его берут с собой на случай непогоды, чтобы укрыться от дождя и мокрого снега. Опять забыл, что живем в предгорьях? Чего хромаешь?

Добравшись до пуфика, изодранного кошачьими когтями, Андрей сел и сказал, виновато улыбаясь:

– Машина меня сбила.

– Иди ты! А номер? Номер ты запомнил?

– Номер? Да как-то не обратил внимания.

– Папка! И ты, конечно, потребовал с водителя компенсацию за увечье.

– Какое там увечье. Меня до дома подвезли. К тому же это был не водитель.

– А кто?

– Водительница.

– Ясно. Женщин на дуэль не вызывают. Ты, папка, не человек, а камень на дороге. Кто ни пройдет мимо – или пнет, или спотыкнется.

И она, привычно вращая колеса инвалидной коляски, отъехала задом и, развернувшись у порога кухни, покатила в свою комнату, размышляя вслух:

– Надо же! Именно в день рождения. Кстати, с днем рождения! Ну и везет же тебе, прямо обзавидуешься.

– Маленькие неприятности оберегают от больших бед.

– Утешение на каждый день. Ладно. Скоро мамка придет, торт из «Назика» принесет. Гулять будем. Я мясо по-французски приготовила.

Он прохромал в комнату дочери, остановился за спиной, положив ладони на ее плечи:

– Как твои замечательные дела? Закончила повесть?

– Да вот – набиваю бред очередного богатенького графомана, а за одним и редактирую.

– Да плюнь ты на них.

– А я что делаю. Печатаю да плююсь, печатаю да плююсь. Весь экран заплевала.

– Не забывай скрипкой гвозди. Занимайся своими вещами.

– Папка, непедагогично воспитывать из дочери иждивенку. В конце концов, я тоже должна вносить свою лепту в семейный бюджет. Хотя бы на оплату Интернета. Что поделаешь, графоманы нынче богаче литературных журналов.

(...)

Соседка Ася была интеллигенткой в первом поколении, то есть относилась к тому разряду людей, которые дома, расправляясь с котлетой, держат вилку в правой руке и обходятся при этом совсем без ножа, но в гостях или в кафе они держат вилку в левой руке, нож – в правой. А когда жуют, поджимают губы. Впрочем, Ольга была ее подругой, и, чувствуя себя как дома, Ася не очень-то следила за своими манерами. Вскоре вилка из левой руки переключилась в правую.

– Ты представляешь, что Наташка учудила? – сделал страшные глаза, спросила она подругу.

– И что же она учудила?

– Фарид своего бросила!

– С какого этажа? – спросил Андрей.

– Ну, не дура?! – не обратила она внимания на глупую реплику. – Фарид! Представляешь? Бабе год до пенсии остался, а она от мужика уходит. Да какого мужика! А ты, Ириша, тоже послушай. Сюжет тебе для романа. Покруче «Анны Карениной». Толстому и не снилось.

Вообще-то Ася хотела сказать тост, и уже подняла рюмочку, но не утерпела сообщить потрясшую ее новость, и теперь ее несло, как с горы на баллоне.

– Фарид шары вылупил: не понял... Целый месяц ходил с выпученными шарами, не моргая. Просто сил не было на него смотреть, так мужика жалко.

Главное, он ее спрашивает: «Ты что же – разлюбила меня?». А она знаешь что ему отвечает? «Да я тебя никогда и не любила». Вот после этих слов Фарид глаза и вытаращил. Поверить не может. Мужик не хуже твоего Андрея – под два метра. Весь из себя заслуженный-перезаслуженный. Тридцать шесть лет жили на зависть всем. Двух детей родили, воспитали, пристроили, внуков дождались и – здравствуйте! – никогда не любила. Представляешь, Андрей, тебе бы такое услышать. И главное, девушке пора пенсию оформлять.

– И с чего это она под старость лет взбрендила? – спросила Ольга.

– Старую любовь разыскала! – с невероятным сарказмом вскричала соседка. – Представляешь? Одноклассника. Был такой Вадик. С вышки прыгал. Ничего не скажешь, красавец. Без черных очков на него смотреть было невозможно. Джо Дассен.

– Косой что ли? – спросил Андрей.

– Зачем косой? Как раз наоборот. Кудрявый. Только что от этого Вадика после сорока лет осталось? Не знаю, не знаю... Очень сомневаюсь, что он до сих пор с вышки прыгает. Ну, хотя бы фотографию попросила выслать предварительно. Нет, развод! Ну, действительно, любовь у них была, хоть фильм снимай. Только у него папа очень был высокопоставленный. То ли генерал, то ли директор центрального рынка. Сам-то папа вроде бы и не против их любви был, а вот мама очень высококого мнения о себе была. Вадика в московский вуз пристроили, на ровне женили. Наташка погоревала и за однокурсника по медицинскому выскочила.

У кого первой любви не было? Сколько лет прошло. Ни разу не встречались, ни разу по телефону не говорили, ни одного письма друг другу не послали. И на тебе! Вдруг случайно узнает, что Вадик теперь военный пенсионер, живет во Владивостоке, и у него недавно умерла жена. И все – взбрендила дама. Муж спрашивает ее, хорошо ли она все обдумала, окончательно ли ее решение?

И эта престарелая дуреха твердо отвечает: да! Всю жизнь она любила одного человека и теперь, когда он одинок и несчастен, она все бросает и едет к нему. Нашлась декабристка.

Все ее отговаривали. Даже сам Вадик, школьная любовь.

Звонит она ему, музыкально одаренному мальчику с львиной гривой и бирюзовыми глазами, а он отвечает: «Я ведь военный пенсионер, Наташа. Слегка контуженный». – «Ну и что?» – «Я ведь совсем лысый» – «Ну и что? Какое это имеет значение?» – «У меня давление скачет. Я с тросточкой хожу» – «Ну и что? Приеду – подлечу».

Ну, не дура ли? Джульетта в климаксе. Главное, жизнь устроена, в городе их все знают, полная уважуха...

Я всегда говорила: любовь – болезнь. Безумие какое!

Ты сначала съезди, посмотри на этого Вадика. Может быть, он пьяница горький. Может быть, от прежнего прыгуна только имя и осталось. Может быть, он нищий, может быть, вообще трем женам элементы выплачивает. Зачем же сразу в колокола бить? Зачем мосты сжигать?

Нет! Уволилась с работы, с Фаридом развелась. Разменяли они трехкомнатную квартиру в центре города на две в микрорайонах. Фарид взял себе однокомнатную, Наталья Константиновна отдала двухкомнатную младшей дочери. Купила билет во Владивосток: вылетаю, милый, встречай. И – ту-ту на край света. Как в прорубь прыгнула. Скажи честно, Андрей, что ты об этом думаешь как мужик?

– Да какая разница, что я думаю. Это ее жизнь. Ей виднее.

– Ох уж эти мне интеллигенты.

– Пожалуйста, без оскорблений, – решительно отверг безосновательные обвинения именинник.

– Жалко, – сказала Ольга. – К кому мы теперь со своими сердечными делами пойдём? Хорошим терапевтом была Наталья Константиновна.

– Да ты за себя не переживай. Ты до конца дослушай. Пока твоя Наталья Константиновна летела с пересадками до Владивостока, первая любовь возьми да помри. Переволновался человек.

Положила она цветы на могилу своей первой любви, оглянулась вокруг: чужой город, чужие люди. Что делать? Надо возвращаться. И вернулась.

– А муж что же?

– Фарид-то? Знала бы ты Фариду, не спрашивала бы. Вылитый твой Андрей. Принял. И слова упрека не сказал.

– Значит, есть на свете настоящая любовь.

– Любит дуру. По утрам вдоль Весновки прогуливаются. За ручки держатся.

Да что это мы о Наташке да о Наташке, – восторженно соседка и, подняв рюмку, продолжила: – Ну, давайте выпьем за любовь. Сколько вы, кстати, вместе прожили?

– Умеешь ты тосты говорить, Ася, – отдала должное подруге Ольга.

– Галку Чернову помнишь? – закусив маринованным рыжиком, в запале продолжала соседка.

– Что? Тоже? – перепугался Андрей.

– Нет, Галка не дура, – успокоила его соседка.

– А мне казалось, наоборот.

– Что ты! Это мы с Ольгой две дуры. Все за свои дипломы до последнего держались. Кому они сейчас нужны? Вцепились в чертежные доски – не оторвать. Так и держались, пока КБ не закрыли. А Галка плюнула на все и ушла в перестройку авиабилеты продавать. Тогда билеты за свою цену никто не покупал. Они с подружками рубли в Прибалтику картонными коробками отправляли, на доллары обменивали. Как вспомню денежную реформу, так глаз дергается. Помнишь, зарплату в авоськах носили? За килограмм вермишели килограмм рублей отдавали. А доллар он и в Африке доллар. Представляешь, сейчас у Галки три квартиры, сеть магазинов...

– Так уж и сеть?

– Сеть, сеть! У нее муж персональным шофером работает. От магазина до магазина возит. Не для дохода, не для экономии, а чтобы не баловался, всегда на глазах был. Галка – баба мудрая. Он ее под видом деловых встреч к любовникам возит. У них там деловые переговоры, а он под газетой спит. Дождается. Вылитый Ельцин из себя. Только не пьет. За рулем нельзя.

Блин, если бы сегодняшнюю голову, да в то время. Я бы сейчас так жила, что Галка бы обзавидовалась.

– У тебя еще все впереди, – успокоил ее Андрей.

– Ой, – отмахнулась соседка, – все мое впереди давно позади. Проспали мы свою пересадку. Много ты своей скрипкой зарабатываешь?

– Ну почему же, – сухо возразила Ольга, – можно и скрипкой хорошо зарабатывать. Ты разве не знаешь, что оркестр, в котором работал Андрей, как только стало возможным, всем составом укатил в Европу. Руководитель у них, не хуже твоей Галки, дальновидным был...

– А что же Андрея, с багажом забыли? – спросила ехидная соседка.

– Андрей остался, – еще суше отвечала Ольга, – Андрей не захотел нас с Иришей оставлять надолго.

– Ну да, ну да, – закачала головой соседка, изобразив на лице отвратительную гримасу сочувственного понимания, и добавила. – Все-таки скрипка – инструмент высокомерный. То ли дело гитара. Под гитару и спеть за столом можно.

– Ничего, – отвечал ей Андрей, – будет и на нашей улице аншлаг. Вот соберу всех уличных музыкантов в один оркестр и назову его «Поющие в переходах». Стадионы будем собирать.

– День рожденья – грустный праздник... – запела соседка.

– Вот и тебя солисткой возьмем.

(...)

Есть время праздновать, есть время мыть посуду.

Отгнав от раковины дочь и мужа, Ольга слушала их разговор.

– О чем задумалась, Ириша?

– О четвертом состоянии воды.

– Четвертом? Есть и такое?

– Да, о состоянии, при котором она очищается. Представь, через что только не прошла вода в моем стакане. Однажды, несколько миллиардов лет тому назад, грязным айсбергом она шлепнулась на нашу необитаемую планету. Взорвалась, зашипела. Что до этого с ней было, как образовалась, где бродяжничала, никто не знает. А на Земле тысячи и тысячи раз замерзала, таяла, испарялась, наполняла

реки и океаны, возносилась на небо, выпадала дождем, градом, снегом, оседала на травы росой, превращалась в туман.

Представь: эта вода в моем стакане когда-то испарилась из лужи на мостовой или из козлиного копытца, пролетела полмира и выпала снежинками в горах. Тысячи лет лежала спрессованная в леднике, сползала с вершины до основания горы. Пенилась в холодном горном ручье, текла в реке. Сколько раз ее пропускали через жабры рыбы – форели, пескари, щуки. А потом ее выпил какой-нибудь зверь Лось. Медведь. Рысь. Или человек. Охотник на куниц. Или просто в водопровод попала. Прошла она через чей-то организм, а потом просочилась через песок, гравий, почву. И снова вышла наверх чистой родниковой водой.

Тысячи и тысячи раз ее использовали, мыли ею посуду и тела, стирали белье и одежду, выпивали, смешивали с разной гадостью, а она все такая же чистая.

Разве не чудо?

Вот я и думаю о четвертом состоянии воды. О состоянии, при котором она очищается. Самоочищается.

А ты знаешь, что чистая вода, вода без примесей – прекрасный изолятор?

– И что она изолирует?

– Электрический ток, конечно.

– Да ладно! Не сочиняй!

– А я и не сочиняю. Ток не вода проводит. Ток проводят примеси в воде. Вот я и думаю о состоянии воды без примесей, моменте полного очищения. Как? Когда? А знаешь папка, я написала рассказ. Называется «Поющие в переходе». Ты не против, если я посвящу его тебе? Мой подарок тебе на день рождения.

– Кто же отказывается от подарков?

– А ты не торопись. Ты сначала послушай.

Она читает рукопись.

Ольга протирает тарелки и блюда полотенцем, стараясь не звякнуть посудой.

Андрей слушает с закрытыми глазами, скрестив руки на груди.

Проходит полчаса. Может быть, самые счастливые полчаса в жизни семьи.

И когда Ирина заканчивает читать, все молчат, как бы желая продлить это состояние счастья на несколько минут.

Андрей целует дочь в затылок и говорит:

– До слез... До слез. Я даже представить не мог, насколько ты талантлива.

Лучшего подарка у меня никогда не было. Я самый счастливый неудачник на свете.

